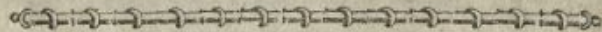

Ермил Иванович Костров (1755 – 1796)

- Гравированный портрет работы неизвестного художника (1825)

ТАКТИКА.
СОЧИНЕНІЕ
Г. ВОЛТЕРА,
КОТОРОЕ
предложилъ
ВЪ РОССІЙСКІЕ СТИХИ
ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО
УНИВЕРСИТЕТА
БАККАЛАВРЪ
ЕРМИЛЪ КОСТРОВЪ.
Ноября 12. дня 1779 года.

ВЪ МОСКВѢ,
Въ Университетской Типографіи.

Один из первых произведений, напечатанных в обновлённой новиковской типографии (1779), был перевод Е. И. Костровым «Тактики» Вольтера

Объясняется, как нашел «Тактику»

На дняхъ прошедшихъ я Каиля навѣспилъ,
И для чего? онъ мой книгопродавецъ былъ;
Не рѣдко у него пространные анбары
Храняшъ бездѣлицы и вздорные товары.
Я книгу новую, сказалъ онъ мнѣ, доспалъ,
Для смертныхъ нужную, достойную похвалъ;
Въ ней съ мудростью цвѣты красотъ соединились,
И стоишъ, чтобъ по ней всѣ смертные учились;
Мы счастье чрезъ нее возможемъ основашъ,
Зовешся Тактикой, изволь ее прнять.

Объясняется значение слова «тактика» для читателей

Но мнѣ въ отвѣпѣ Каиль! название сіе
Имѣетъ въ Галліи отъ Грековъ бытіе,
И значитъ самую науку превосходну,
По преимуществу науку безподобну,
Высокихъ разумовъ и знапныхъ всѣхъ мужей
Желанья совершитъ не трудно можно ей. „

Купилъ я Тактику, и читалъ себя блаженнымъ,
Мня способъ въ ней сыскать, какъ бытъ мнѣ совершен-
(нымъ,
Чтобъ вѣкъ мой продолжитъ и горестъ усладитъ,
Умѣритъ прихоти, и мысли просвѣтитъ;
Чтобъ необузданныя желанія и спраси,
Разсудка здраваго подвергнуть мудрой власти;
Чтобъ должну честь являть и справедливостъ всѣмъ,

Но сáмой сатана его тому училъ.
Въ наукѣ сей его примѣромъ свѣтъ почпилъ,
Какъ смертныхъ убивать и кровію ихъ мыться:
Евгеній и Густавъ не могутъ съ нимъ сравниться.
Поди, я признаюсь, и истинно не лгу,
Что я тому никакъ повѣрить не могу,
Чтобъ человекъ, (когда, минуша неизвѣстна,)
Изшелъ изъ рукъ благихъ зиждителя небесна,
Дабы Всевышняго толь дерско озлоблять,
И столько ярости и странныхъ дѣлъ являть.
Мы безъ оружія, лишь съ десятью перстами,
Не созданы, чтобъ вѣкъ свой прекраждали сами:
Необходимостью и рокомъ злыхъ временъ
Ужѣ онъ безъ того довольно сокращенъ.

Сатира,
антивоенная
позиция Вольтера

Песчаной пѣны сокъ, диша подагры злое,
И множество мокротъ въ кремень попомъ слишное,
Что страшной каменной болѣзнию зовемъ,
Чахотки разныя и жгуща скорбь огнемъ,
И прочихъ тысячи недуговъ злыхъ и бѣдствій,
Обманы, клеветы, творцы печальныхъ слѣдствій,
Иль мало горестей влекутъ на шаръ земли,
Хотябъ военной мы науки не нашли?

Я ненавижу всѣхъ Героевъ имена ,
Пусть хвалятъ ихъ дѣла , пусть славятъ времена ;
Что до меня , отъ нихъ со страхомъ убѣгаю ,
И къ чорту самому въ жилище посылаю .

Но я отпирюсь вамъ , что я молюсь всегда ,
Чтобъ не было такой науки никогда ,
Чтобъ правда въ міръ ввела спокойствіе желанно ,
Отъ Римскаго Попа гонимо и погранно .

- «...видел славного в тогдашнее время стихотворца Кострова, который удивил меня своею дурнотою и отвратительной фигурою и видом; и я чудился натуре, что она, обидев столь жестоко его с сей стороны, одарила взамен великим дарованием, и даже сожалел о том, что мне случилось узнать его лично, ибо, не знаячи, воображал я его себе несравненно в лучшем виде».

- // А. Т. Болотов, «Жизнь и приключения...», т. 3, стр. 117.
- (М., Институт русской цивилизации, 2013)

О Д А
НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ
ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА **МИХАИЛА**
МАТВѢВИЧА ХЕРАСОВА.

Позволь, Херасовъ, мнѣ въ сей день, тобою чтимый,
Оставя долъ, летѣть Парнасса въ высоту;
Позволь и дай свои крилѣ неутомимы,
Дай лиру мнѣ свою и мыслей быстроту;
 Похвалъ твоихъ въ пространно поле
 Стремлюсь отважно и по волѣ;
Но что, могу ль его съ успѣхомъ прелетѣть?
 Твоихъ добротъ цвѣты прекрасны,
 Различны, многи, но согласны,
Счисляя, долженъ я вождемъ тебя имѣть.

Что новымъ нашъ Парнассъ въ сей день лучемъ бли-
 стаеть,
Что плески радостны стремить до облаковъ,
Что новый знакъ его долины покрываетъ
И слышны пѣсни Музъ на высотѣ холмовъ:
 То знакъ, что ревности устами,
 Неухищенными сердцами
День первый дней твоихъ, день первый жизни чтимъ;
 Онъ составляетъ счастье наше
 И мнѣ онъ дней весеннихъ краше;
Я онымъ путь начну, стремясь къ хваламъ твоимъ.

Какой мнѣ лестный видъ предсталъ предъ умны
 взоры,
Се кроткаго я зрю младенца въ пеленахъ;
Онъ на ессальскія несетъ свѣтлы горы,
Несетъ радостныхъ Птеридъ на рукахъ;
 Изъ миртовъ колыбель сплетая,
 Лилей, розы подстилая
Качаютъ всѣ его, да спитъ въ сладчайшемъ снѣ. И
 Любуясь имъ и нѣжно грѣя,
 Претягъ свирѣпости Борей,
Да не коснется онъ Питомцу ихъ отвнѣ.

По снѣ пріятномъ ждуть его утѣхи новы
И спорять Музы въ томъ, которой съ нимъ играть;
Обнять его — у всѣхъ объятія готовы,
Простерты всѣхъ уста, дабы его лобзать;
 Всѣхъ взоры взоръ его срѣтаютъ,
 Объемлютъ всѣ и всѣ лобзаютъ
И каждая свой духъ метъ ему во грудь;
 То сладкій тонъ, имъ голосъ лирный,
 То нѣжности любви Зефирны
Стремятся по чредѣ въ гортань ему вдохнуть.

Но вдругъ Каміюпа, трубу пріавъ гремящу,
Рекла: се должный даръ и се достойна честь!
Сей отрокъ, возмужавъ, приметъ крѣпость вѣщущу;
Онъ съ тѣмъ рожденъ, чтобъ звукъ геройскъ дѣлъ
 вознестъ;
 И персть возведъ въ страны російскы,
 И къ Волгѣ, гдѣ края асіиски,
Рекла: сія рѣка, сей пышный градъ Казань!

Его трубою вознесется
И въ вѣчность славою прострется
Россіянь храбрая побѣдоносна длань.

Се тако, Меценатъ! на лонѣ Музъ прекрасномъ
Воспитанъ ты для насъ кастальскихъ дѣвъ млекою;
Цвѣтъ юности твоей созрѣлъ при Фебѣ ясною
И полдень дѣтъ твоихъ обогащенъ плодомъ;

Поя героевъ нашихъ славу,
И роска божества державу,
Тѣмъ сей текущій вѣкъ и самъ себя вознесъ;
Вѣнецъ гремящей Поэзии,

Тобой имѣемъ мы въ Россіи
И незавиденъ намъ Эней и Ахиллесъ.

Ты нынѣ опочилъ спокойствія на лонѣ,
Окончивъ съ славою прехвальныя труды,
Ты Музамъ предъдишь на лавроносномъ тронѣ,
Вкушая сладостны предтекшихъ дѣтъ плоды;

Парнассъ тебѣ московскій внемлетъ,
Отъ устъ твоихъ законъ пріемлетъ;
Спасительны твои глаголы свято чтить;
Его твои щедроты грѣютъ,

Тобой цвѣты ума въ немъ зрѣютъ;
Но то? уже ли ты симъ только знаменить?

Какъ сонмы разныхъ водъ раждаея помалу,
Потомъ, соединясь въ пространство быстрыхъ рѣкъ,
Стремятся въ Океанъ ко своему началу,
Отколѣ первый токъ ихъ существа истекъ:

Подобна ты, о, Музъ отрада!
Трудовъ и подвиговъ награда:

Намѣренья свои и мысли и дѣла
Ко славы общей устремляешь
И то полезнымъ считаешь,
Въ чемъ польза общества и въ чемъ его хвала.

Тамъ гордый мнить, что онъ, родясь отъ знатной
крови,

Возможетъ безъ заслугъ великимъ въ свѣтѣ быть,
Имѣя чужду грудь и дружбы и любви,
Мечтаетъ, что ему весь долженъ свѣтъ служить.

Влюбясь въ достоинство наследно,
Нося и духъ и сердце мѣдно

И благодѣтельна лишень всегда огня,

Склонитъ сердца къ себѣ стремится

И быть любимъ насильно тщится.
Но онъ изъ твердаго влечетъ огонь кремня.

Въ твоей душѣ огонь щедротный обитаетъ,
Кротчайшей теплотой твою питаю грудь;
Усугубляется, когда онъ излетаетъ

Въ сердца другихъ людей чрезъ благотворный путь;

Онъ, ихъ животворя и грѣя,
И чувствами ихъ владѣя,

Склоняетъ ихъ къ тебѣ, родивъ усердїи плодъ.

Такъ Фебъ, лїя лучи всесвѣтно,
Влечетъ на воздухъ непримѣтно

Частицы равныя съ луговъ, полей и водъ.

Иной, не вѣдая похвалъ цѣны прямиа,
Лукавыхъ устъ сѣтми отсюду окруженъ,

За малая дѣла, или еще и злыя
Бываетъ лестію до облакъ вознесенъ,

И мнѣ, что онъ великъ и славетъ,
Полубогамъ на свѣтѣ равнѣтъ,
Отъ подлыхъ устъ купивъ за злато похвалы;
Но мудрый видитъ въ немъ кумира,
Почтенна суетно отъ міра,
Достойна по себѣ презрѣнья и хулы.

Твои дѣла собой похвалны, знамениты,
И тѣмъ еще тебѣ приносятъ вѣщщу честь,
Что скромности они завѣсою покрыты,
И хвалятъ ихъ одно усердіе, не лесть.

Мы зримъ въ тебѣ доброты многи,
Но не включаемъ въ полубоги:
Ты человѣкъ, и симъ ты имевемъ гордиться;
Оно велико и почтено,
Коль съ добродѣтелью сопряженно;
Доволенъ буди имъ, собой его возвысь.

Другіе, праздности повергнувшись на ложе,
Забавъ и роскоши въ цвѣтахъ спѣшать уснуть,
Забывъ, что время всѣхъ сокровищъ ихъ дороже;
Отъ сладкой глупости не мыслятъ воспрянуть,

И послѣ, вкусъ утѣхъ теряя,
Своею жизнію скучая,
Желають сократить теченье краткихъ дней.

Имъ кажется, что злобно время
Желѣзной колесницы бремя
Велитъ имъ влечь однимъ безъ помощи своей.

Но ты часы во дни, дни въ лѣта превращаешь,
И быстрая связавъ ты времени крилъ,
За цѣну хвалыныхъ дѣлъ минуты упускаешь

И долѣ живешь, чѣмъ Несторъ, на землѣ;
И только лишь о томъ жалѣешь,
Что кратку въ свѣтѣ жизнь имѣешь,
Чтобъ отечеству явить возможныхъ плодъ услугъ.
Кто въ семьѣ съ тобой согласно мыслить,
Часы и дни дѣлами числеть,
Тотъ сынъ отечества и смертныхъ рода другъ.

И кто твои друзья? Я ихъ не именую.
Довольно мнѣ сказать: подобные тебѣ,
Подъ именемъ твоимъ ихъ равно описую;
Ихъ счастлива судьба равна твоей судьбѣ.
Льстецы, клеветники и лживы,
Коварны, праздно и кичливы
Отъ прага твоего бѣжать, гонимы прочь.
Какая же тому причина?
Отвѣтствую: сія едина, —

Не могутъ вмѣстѣ быть и день и мрачна ночь.

Склони главу твою спокойства на колѣни,
Почій подъ лаврами по ревностныхъ трудахъ,
Да окружатъ тебя прохладно мирны тѣни!
Почилъ! однакъ Парнассъ всегда въ твоихъ очахъ.

Уже на мраморѣ нетлѣнномъ,
Самой Минервой освященномъ,
Во храмѣ вѣчности твой зракъ изображенъ,
И тамъ, среди мужей избранныхъ,
Парнаскимъ лавромъ увѣнчанныхъ,
Блестаетъ, славою безсмертной ослѣненъ.

Твой тихихъ дней корабль мірскихъ волненій въ морѣ,
На полныхъ парусахъ въ пристанище летитъ;

Твой умъ страстей валы и вихри въ бурномъ спорѣ
Владычествомъ своимъ покоить и мирить.

Могу ли въ слѣдъ тебѣ стремиться

И скорости твоей сравниться?

Ахъ, нѣтъ! моя мала и брэнна ладія,

Зря предъ собою тебя летяща,

Хвалою и честію гремяща,

Дивиться долженъ я, — и въ томъ судьба моя.

С. П. Шубин
О Д А

**НА ВСЕРАДОСТНЫЙ ДЕНЬ КОРОНАЦИИ
Ея Императорскаго Величества
ЕКАТЕРИНЫ II.**

Сочинена 1778 года.

Златаго свѣтоносца персты
Открыли въ тверди горизонтъ;
Врата восточныя отверзты,
Оставленъ Фебомъ хладный понть,
И сонь, сынъ чернаго Морфея,
Уже насильствій не имѣя,
Летитъ съ мечтаньми отъ очей;
Вся тварь въ сомнѣннн не дремлетъ,
Но должности природной внемлетъ
Для пользы общей и своей.

ЭПИСТОЛА

ЕГО СІЯТЕЛСТВУ

ГРАФУ АЛЕКСАНДРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ

СУВОРОВУ—РЫШНИКОВУ.

НА ВЗЯТІЕ ИЗМАИЛА.

Суворовъ! громомъ ты крылатымъ облеченъ
И молній тысящью разящихъ ополченъ,
Всегда являешься во блескѣ новой славы,
Всегда виновникъ намъ торжествъ, отрадъ, забавы!
Ты, рѣки огненны пуская на враговъ,
Свистящихъ тучи ядръ во твердость ихъ холмовъ,
Соратнымъ предтечешь, покрыть геройскимъ потомъ,
И ставишь грудь свою отечеству оплотомъ;
Ты въ подвигахъ, трудахъ, средь бранныхъ тучъ
безъ сна;

А мы, чуть знаемъ мы, что есть у насъ война, —
Такое черезъ тебя спокойствіе вкушаемъ!
Ты въ лаврахъ, мы себѣ и миртъ и пальмъ срываемъ;
И если знаемъ мы, что Россы средь полей,
Что въ югѣ страшна брань, свирѣпствуетъ Арей;
Такъ вѣсть о томъ даютъ побѣдъ твоихъ намъ
громы,
На крыльяхъ радостныхъ въ отечество несомы.
Для чалмоносныхъ бывъ ты ужасомъ головъ,
Ты утѣшаешь насъ, какъ малыхъ отроковъ.

13

Соч. Костр.

Признаться, мучила насъ любопытства сила,
И неизвѣстностью сердца въ насъ щекотила:
Чѣмъ Россамъ кончится девяностый годъ?
Падеть ли въ долъ еще враждебный гдѣ оплотъ?
Но ты, предузнавать исполненъ бывъ искусства
И видѣть тайныя твоихъ согражданъ чувства,
Тотъ славно кончилъ годъ, повергнувъ Измаилъ
И въ новый годъ его Россіи подарилъ.
Позволь, дражайшій Графъ, миролюбивой Музѣ,
Живущей съ вѣжностью и тишиной въ союзъ,
Сраженій бурныхъ звукъ отъ мыслей удалить
И взоръ души отъ рѣкъ кровавыхъ отвратить.
Чтобъ въ точность описать, какъ пала злоба горда
Предъ громоносцами вѣнчанна славою Норда;
Какъ другъ Очакова, ужасный Исполинъ,
Могущій замѣнить сто крѣпостей единъ,
Грозящій облакамъ надменною главою,
Стремящій изъ челюстей каленый вихрь со мглою,
Упрямый Измаилъ, всю твердость погубя,
Пресиленъ наконецъ, поверженъ отъ Тебя:
Какъ воины твои, или орлы пернаты,
Черезъ рвы, на крутизну, на горды, тверды скаты,
Противъ мечей, штыковъ, противъ Циклопскихъ
стрѣлъ,

Которы злобный адъ во гнѣвѣ изобрѣлъ,
По гласу твоему летѣли, устремлялись,
Быстрѣ стрѣлъ неслись и лавромъ увѣнчались.
Повсюду огненный смертей рассыпавъ дождь,
Являя, кто они и кто ихъ въ полѣ вождь:
Какъ ревностный Дунай, побѣды намъ радѣя,
Струями влажными, играя, пламенѣя,
Восторговъ радостныхъ и бранна звука полнъ,

Твой громъ спѣшилъ принести въ пучину черныхъ
волнъ,

Да русскихъ кораблей крыль ему соплещуть,
И ребра твердыя Стамбула вострепещуть;
Чтобъ всё толь дивныя, толь страшныя дѣла,
Которымъ въ поздній родъ безсмертіе, хвала,
Представить, описать, воспѣть согласно, стройно,
Одной Гомеровою трубѣ гремятъ достойно;
Изъ молній должно быть перо сотворено
И Стикса хладнаго въ струи погружено.
Невинный многихъ слезъ и гибелей содѣтель,
Ты самъ сихъ ужасовъ и трепета свидѣтель!
Россіи твердый щитъ, геройска сонма честь,
Перунами врагамъ являющъ должну мечь!
Громады низложя въ пустынные долины,
Предъ свѣтомъ оправдалъ ты духъ Екатерины,
Предзрящъ, предвѣдущъ духъ, кому вручати громъ,
И какъ торжествовать со славою надъ врагомъ.
Внемли, простри Твой слухъ, привыкшій къ звукамъ
брани,

Внемли усердію тебя достойной дани,
Усердію русскихъ чадъ — о! если бы ты зналъ,
Какъ образъ свой въ сердцахъ ты Россю начер-
талъ:

Твой духъ, воспламеняя похвалъ нелестныхъ жаромъ
И нѣжно восхищенъ сердецъ правдивыхъ даромъ,
Авроры утренней на крыльяхъ бы летѣлъ,
Чтобъ зрѣть у насъ въ груди награду славныхъ дѣлъ,
Чтобъ, въ тысящи себя премноги раздѣляя,
Всѣхъ мыслямъ мысль свою съ пріязнью сообщая,
Познать, увѣриться, въ восторгѣ ощутить,
Коль сладостно любовь согражданъ заслужить!

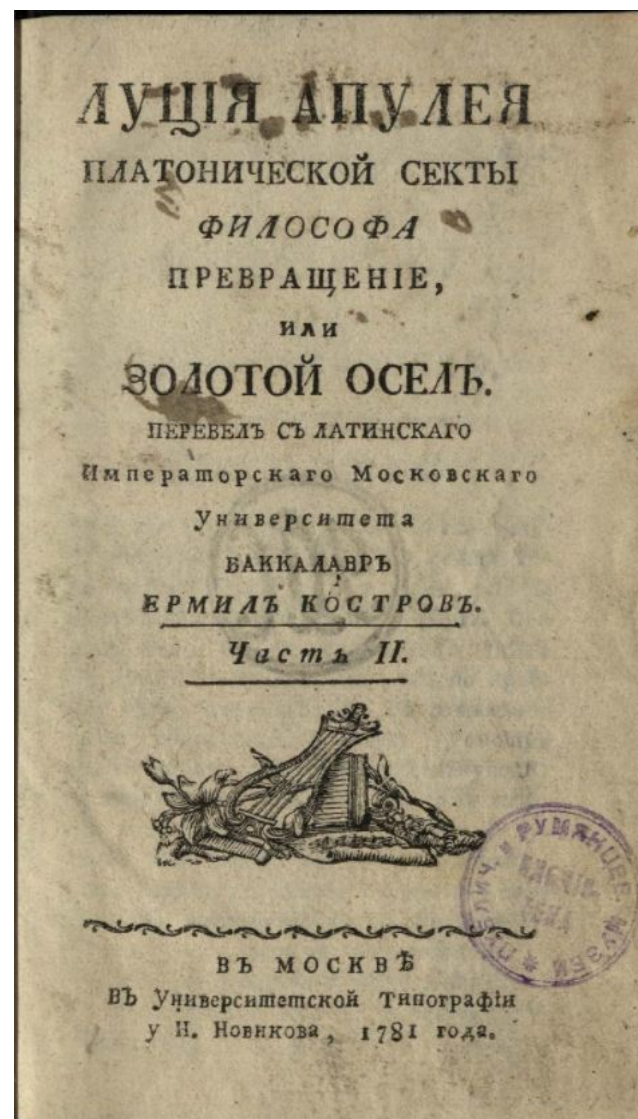
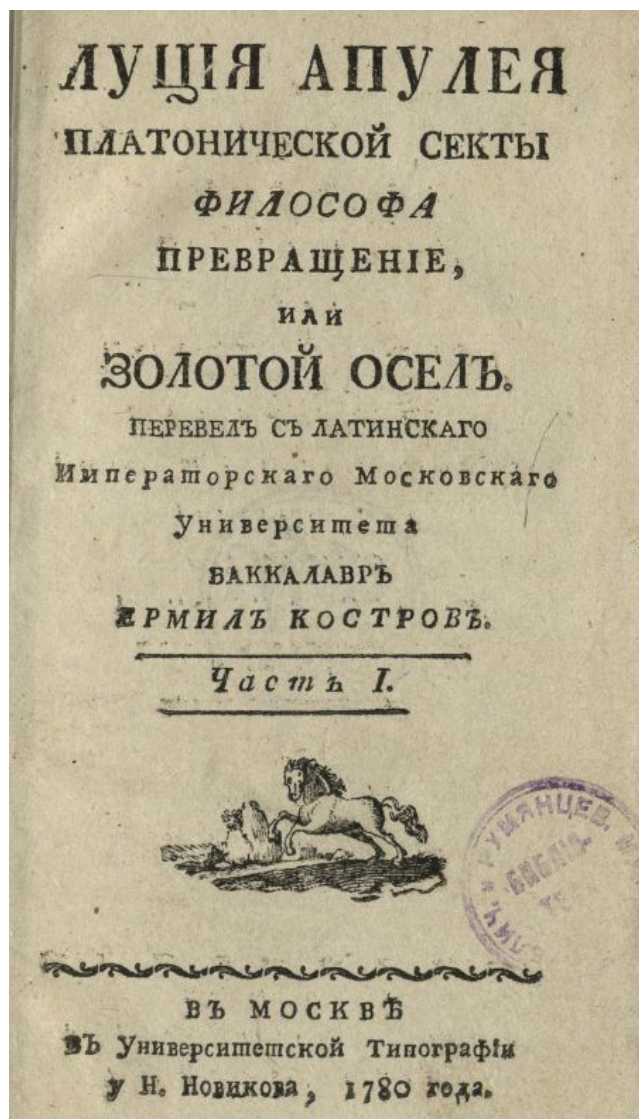
Здѣсь дружески тобой исполнены бесѣды,
Изъ устъ въ уста твои переносятся побѣды;
И еслибъ зависть гдѣ могла противостать,
Была бы со стыдомъ принуждена молчать.
Источникъ важныхъ думъ и милыхъ въ насъ ме-
чтаній,

Влекущій всѣхъ къ себѣ сердечныхъ токъ желаній,
Дражайшій Графъ! познай подъ громомъ мы твоимъ
Въ пріятной тишинѣ всегда спокойно спимъ.
Здѣсь розы нѣжатся, здѣсь мирты зеленѣютъ,
Отъ лавровъ красоту твоихъ они имѣютъ.
Шумъ кроткій сочетавъ со звукомъ стройныхъ лиръ,
Цѣлуясь, рѣзвится со Нимфами Зефиръ,
Виною въ томъ пламенны тѣ вихри и крылаты,
Что усремляешь ты на горды сопостаты.
Богиню Паеоса, усмѣшекъ нѣжныхъ мать,
Живущій Марсъ въ тебѣ стремится защищать
Прелестно зрѣлице. Я былъ тому свидѣтель,
Какъ, воплощенная природою добродѣтель,
Климена, скромная весеннихъ дней заря,
Прелестна бѣлизной, румянцемъ розъ горя,
Держа въ объятіяхъ въ часъ утра безмятежный
Супружней плодъ любви, плодъ радостный и нѣжный,
И матерней къ нему горячностью дыша,
«Разсмѣйся жизнь моя, разсмѣйся моя душа,
«Суворовъ побѣдилъ, онъ насъ хранить» сказала,
И на его устахъ лобзаньемъ рѣчь скончала.
Не всё такъ матери, не всё такъ говорятъ,
Но чувствіемъ такимъ, повѣрь мнѣ, всё горятъ.
Что лестнѣе сего? скажи безстрашный воинъ.
Великъ, кто искреннихъ похвалъ отъ насъ достоинъ.
Когда желаннаго возникнетъ мира свѣтъ,

Чтобъ намъ узрѣть тебя почивша отъ побѣдъ?
Въ сердцахъ торжественны врата тебѣ отверзаты,
На струны сладкихъ арфъ уже взнесены персты:
Мы жаждемъ, но доколь всемоchnыя судьбы
Прейдутъ во слухъ отъ насъ горящія мольбы,
Прочти мои стихи, побѣдами рожденны,
Всеобщею къ тебѣ любовью воскриленны:
Въ нихъ чувствія мои, въ нихъ чувства гражданъ
Къ тебѣ, защитнику спокойства и утѣхъ.
Умѣешь побѣждать, люби побѣдъ награду,
Прочти съ улыбкою миролюбива взгляду,
Я удостоюся такихъ тогда похвалъ,
Какъ-будто бы и я турецку крѣпость взялъ.

В. Строча

Перевод «Золотого осла» (1780-1781)

Вставные новеллы

въ торговую баню. Вдругъ къ удивленію моему вижу шамъ Сократа одно-
го изъ моихъ товарищей; онъ си-
дѣлъ на земли едва покрытъ раздран-
ною епанчою, щощъ, блѣденъ и въ
жалкомъ состояніи, онъ былъ подо-
бенъ

бенъ презрѣннымъ фортуною и про-
сящимъ милостыни по улицамъ. Онъ
былъ мнѣ другъ и мною точно при-
знанъ; но видя его въ такомъ печаль-
номъ состоянїи, долго я сомнѣвался
къ нему приближиться. Ахъ, любез-
ный мой Сократъ! сказалъ я ему, что
такое? Въ какомъ ты видѣ? Какое
поношеніе? Въ домѣ своемъ ты уже
оплаканъ и почишься въ числѣ
мертвыхъ. Къ дѣтямъ твоимъ по
опредѣленію градскихъ судей присав-
лены уже надзирашеля: жена твоя
свершая погребательные обряды отъ
безмѣрной печали и слезъ едва не ли-
шилася зрѣнїя. Ея сродственники при-
нуждаютъ ее, чтобъ горестъ и смяше-
нїе дому твоего премѣнила на радость
новаго брака; а ты здѣсь къ стыду
и поношенію нашему являешься намъ,
какъ страшное привидѣнїе. Аристо-
менъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, ты по ви-

менѣ , отвѣчалъ онѣ мнѣ , ты по ви-
димому не знаешь непостоянства , пре-
вратности и обманчивыхъ премѣнъ
фортуны. Сказавъ сіе закрылъ онѣ
краснѣющее отъ стыда лице свое
раздранною епанчюю , такъ , что ниж-
няя шѣла его половина осталась обна-
женною. Я не могши смотрѣть боль-
ше

ше на толь печальное зрѣлище подалъ
ему свою руку, спараясь его поднять.
Но сей бѣднякъ, имѣя покрытое лице
и голову, оставъ меня, оставъ, го-
ворилъ миѣ, пусть фортуна утѣшает-
ся и торжествуетъ по своей волѣ надъ
несчастливымъ. Я убѣдилъ его, чтообъ
шелъ за мною, и не медля снявши съ
себя одну одежду, не знаю надѣлъ ли
ее на него, или прикрылъ его оной. По-
томъ привелъ его въ баню, и все,
чѣмъ должно было мазать его и опи-
рать, я самъ приутошовилъ. Омылъ
я щепельно всѣ его нечистоты. Ис-
правивъ все такимъ образомъ, сколь я
самъ ни былъ утомленъ; но сего не-
счастливаго не имѣющаго силъ стоять на
своихъ ногахъ съ превеликимъ тру-
домъ привелъ въ гостиницу; и тамъ
кладу его на шелую постелю, на-
сыщаю его, прохлаждаю пишемъ, и
спараясь развеселишь пріятношю раз-
говоровъ.

по лицу, возопилъ; о какъ я несчастенъ! я, которой желая видѣть славное сраженіе шпажныхъ бойцовъ, въ сіи толь несносныя повергнулся бѣдствія! Аристоменъ! тебѣ извѣстно, что я для нѣкоторыхъ выгодъ отправился въ Фессалію; но когда я, проживъ десять мѣсяцовъ возвращался ошполѣ съ довольномъ числомъ денегъ; но прежде, нежели пришелъ въ Лариссу, чтобъ видѣть бойцовъ сраженіе, на нѣкоторой узкой и отдаленной долинѣ окруженъ я былъ разбойниками, и оными ограбленъ. Въ такомъ бѣдственномъ будучи состояніи зашелъ я по дорогѣ къ одной пракширщицѣ называемой Мероею; она была уже въ лѣтахъ, однако еще довольно пригожа: я изъяснилъ ей причины моего пути, обстоятельства моего возвращенія въ домъ, и несчастный случай со мною приключившійся,

Н. В. Кукольник

КОСТРОВЪ, одинъ.

Не пей, Ермилъ!... Ась?... Пиво не хмельное,
Вѣдь я не Нѣмецъ; что мнѣ пиво? Дрянь!

Оно шипитъ, такъ, для красы, для вида....

Шампанское, — вотъ подлая шипучка!

Ввѣкъ не забуду хитрую проказу,

Что надо мной Димитріевъ сыгралъ.

Шалунъ! Нарочно задалъ вечеринку.

«Шампанскаго!» Бутылки хлопъ, да хлопъ!

Бездонную подставили мнѣ чару:

Хвать, выпью; глядь — опять уже полна.

Заснулъ я въ креслахъ; просыпаюсь.... Что же!

Сижу съ Иванъ Ивановичемъ въ каретъ.

Кричитъ олять: «Шампанскаго!...» Опять

Сплю крѣпкимъ сномъ... Проснусь... Опять вина!

Ну, наконецъ проснулся я за правду.

«Ермилъ Ивановичъ, вылезай!» — Я вылезъ.

Карета укатила. .. Я остался.

Оглядываюсь: что за чепуха?

Голандское строение такое;

Дома въ шеренгахъ, будто бы солдаты.

Крещусь. — Не помогаетъ. — Дай, спрошу!... —

«Любезный! Какъ пройти мнѣ на Арбатъ?»

Тотъ выпучилъ глаза и ротъ разинулъ.

«Да гдѣ жъ я, въ самомъ дѣлѣ?» — Въ Петербургъ. —

«— Что?» — «Въ Петербургъ!» Вотъ-те разъ!»

Что это?»

— «То памятникъ Великому Петру!» —

«А это что, въ лѣсахъ, какъ въ паутинѣ?» —

— «То строится Исакиевскій соборъ!» —

—

Ахъ ты, проказникъ! Выкинулъ же штуку!

Тутъ только догадался, что Ермилъ

Заснулъ въ Москвѣ, проснулся въ Петербургъ!

—